

РОМАНЫ МАРГАРИТЫ ЗВЕРЕВОЙ

СОНЦЕ ВНУТРИ

МАРГАРИТА
ЗВЕРЕВА

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
З-43

Художественное оформление серии *Алексея Дурасова*
Фото автора на обложке *Олега Багмуцкого*

Зверева, Маргарита.
З-43 Солнце внутри / Маргарита Зверева. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 384 с.

ISBN 978-5-04-093500-0

Случайная встреча семилетнего Адама и Барона — пожилого одинокого физика с оригинальными взглядами на бытие — круто меняет судьбу мальчика, до того обещавшую быть непримечательной. Впрочем, меняет она и жизнь мужчины, который относится к своему подопечному словно к родному сыну. Исповедуя гедонизм, Барон игнорирует течение времени и избегает привязанностей. Этому он учит и Адама. Однако теория пребывания в золотом коконе начинает трещать по швам, когда Адам познает любовь и связывает себя узами с девушкой, обреченной на скорую смерть...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093500-0

© Зверева М., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

В точке покоя подвижного мира
Ни плоть, ни бесплотность; ни сюда, ни отсюда.
В точке покоя свершается танец.
Там нет остановки, и нет там движенья.
Но не подумай, что это статичность.
Место встречи прошедших годов и грядущих.
Не стремление к или от, не подъем, не паденье.
Только в точке опоры, только в точке покоя,
Только там мыслим танец, только там он и есть.

**Т.С. Элиот.
Четыре квартета**

7

Когда мы впервые встретились с Бароном, мне было семь лет, а ему шестьдесят три года, и с таким же успехом ему могло быть сто двадцать шесть или все пятьсот. Он отнюдь не выглядел дряхлым, но в моих глазах уже давным-давно перешел точку невозврата, после которой заканчивалось живое детское время, бесконечное, измеряющееся ночами до следующего дня рождения, и начиналась вялая законсервированность взрослого бытия. Точка невозврата мне виделась в районе лет двадцати. И понимание того, что когда-нибудь ее с большой вероятностью достигну и я, было сумрачным, не более чем одной из многочисленных сказок, которая могла оказаться как чистой правдой, так и выдумкой.

Сопящий на соседней кровати Барон и я были двумя планетами, вращающимися в одной галактике, но не имеющими прямой связи. И уж точно не перерастающими друг в друга. Он находился всего в двух метрах от меня, но был так далек, что рассматривал я его, словно через подзорную трубу со своего надежного берега. Его густые седые волосы, его длинные усы, фиолетовые круги под глазами на фоне холодной бледности, его безвольно сложенные руки на выпуклом животе под бледно-зеленой

простыней. Мне было его жаль. Хотя чисто объективно я находился в не менее уязвимой ситуации, чем он. А именно — на больничной койке.

Позже я часто думал о том, как сложилась бы моя жизнь, не окажись мы тем знойным летним днем в самом разгаре затопленных светом и новизной восьмидесятых в одной палате. Перетасованные судьбой, как игральные кости в стаканчике, и выброшенные именно в то время в том месте. Была бы она — моя жизнь — более простой? Вероятно. В ней было бы меньше терзаний и меньше вопросов. Она была бы более спокойной. Потому что никто бы не схватил меня за шиворот и не стал трясти на протяжении долгих, долгих лет. Образно говоря. Хотя разное бывало. Да, она была бы более простой и спокойной. Но и более инертной и безвольной. И теперь я уже ясно понимаю, что за одно это я обязан Барону до конца своих дней.

Тогда же я просто маялся от скуки среди попискивающей медицинской аппаратуры, уставшей и безучастной, как сами врачи, и нисколько не ощущал судьбоносности предстоящей встречи. Я смотрел на прозрачную трубку, тянущуюся от капельницы к кисти старика, и развлекался представлением о том, как он будет надуваться все больше и больше, пока наконец не...

— Отвратительно, не правда ли? — внезапно распахнул он покрасневшие глаза и пронзил меня злым взглядом, как будто это лично я всадил ему иглу в вену.

Я вздрогнул от неожиданности и стыдливо устался на свои острые, торчащие коленки. Его глаза как-то раздраженно скользили по моим волосам, профилю, плечам и тем самым острым коленкам.

Я прикусил губу и покраснел. В конце концов он шумно выдохнул и отмахнулся, непонятно от чего.

— Ты — ребенок,— констатировал он.

Я не знал, требовался ли от меня какой-то ответ. После краткой схватки вежливости и смущения победила вежливость.

— Так точно, сэра,— пролепетал я.

Недавно мне подарили проигрыватель для пластинок, который быстро стал центром детской комнаты, а может быть, и всей вселенной. Я не на шутку увлекся английскими приключенческими историями и все мечтал о возможности произнести эту фразу, пахнущую черным чаем, цилиндрами и кораблями. Старик приподнял впечатляющие брови.

— Сэр? — переспросил он.

— Простите,— поник я.

— Да нет,— пожал он плечами.— Ты почти угадал.

Прищурившись, он вновь пытливо измерил меня с головы до ног.

— Можешь называть меня Бароном, ребенок,— сказал он наконец благосклонно.

Я удивленно покосился на него.

— Барон? — почесал я за ухом.— Как Барон Мюнхгаузен?

— Барон Мюнхгаузен — дурак,— закатил мой сосед водянистые глаза.— Но примерно так, да.

— Почему же он дурак? — обиделся я за Барона Мюнхгаузена.

— Потому что...— пылко начал Барон, но сразу осекся и вновь пронзил меня оценивающим взглядом.

Мне стало неловко и немного жутко, как на экзамене. Барон сглотнул и откашлялся.

— Потому что нет ничего более важного в этой зыбкой жизни, чем здравый рассудок и реалистичное видение происходящего,— закончил он свою мысль.

Я растерянно моргал. В мутное окно нашей палаты отчаянно билась муха с оглушительным жужжанием и дребезжанием, а спертый воздух был пропитан йодом и дезинфекцией, как вата. Барон обреченно вздохнул и страдальчески почесал переносицу.

— Ты ничего не понимаешь,— строго отметил он.— Разумеется. Ты — ребенок.

Он оставил в покое свою переносицу и пригвоздил меня взглядом к больничной койке.

— У тебя есть имя, ребенок? — спросил он довольно торжественно.

— Адам,— выпалил я, радостный, что наконец точно знаю, что сказать.

— Адам,— повторил Барон и отплыл снова куда-то вглубь.— И каких же ты, интересно, кровей, Адам?

— Кровей? — расстроился я.

Момент просветления оказался недолгим.

— Не тех ли самых? — задумчиво протянул Барон, обращаясь скорее к мухе, чем ко мне.— И волосы у тебя темные, и глаза нахальные...

Я уже почти решил, что могу себе позволить обидеться на взрослого, как Барон вынырнул обратно из своих мыслей и усмирил меня колким взглядом.

— А впрочем, это, может быть, и неплохо,— сказал он, задрав подбородок.— Адам...

Барон ухмыльнулся и несколько раз повторил мое имя на разные лады. То с презрением, то с умилен-

ным удивлением. Оно перекатывалось у него во рту и каждый раз звучало по-новому и по-чужому. Я несколько насторожился. Все-таки взрослые не так часто проявляли ко мне столь пылкий интерес, и в голове волей-неволей всплывали страшилки о коварных преступниках. В палате мы были одни, не считая жирной мухи. Медсестры только изредка проносились мимо открытой двери, а врачи вообще заглядывали скорее случайно и по ошибке. Единственным, что вселяло некое чувство защищенности, был катетер, торчащий в запястье моего странного соседа.

«Далеко за мной не убежит», — решил я и самонадеянно улыбнулся.

— Да не бойся ты, — фыркнул Барон. — Очень ты мне нужен.

Улыбка застыла на моем лице.

— Ты просто ребенок, — раздраженно закатил глаза Барон. Нрав у него был еще тот. — Дети! Привыкли, что все носятся вокруг вас, как ошпаренные, попы вытирают, конфеты суют! Думаете, что вы — пуп вселенной, а все остальные — ваши рабы. Правда ведь?

Я задумался.

— Вот-вот! — прикрикнул Барон. — Правда! При этом вас ни капли не интересует все это скучное закулисье, да? Как вообще весь этот мир устроен, как процессы налажены, сколько рутинной, каждодневной работы за всем этим стоит... Главное, чтобы ваша игровая площадка блестела и сверкала и не переставала удивлять новыми игрушками! Так?!

Я задумался еще крепче. Барон громко хлопнул себя по бедру, и какой-то прибор испуганно забил тревогу.

— Вам плевать на каторгу, через которую проходят взрослые, чтобы обеспечить вам этот нескончаемый Диснейленд! — ткнул Барон в меня пальцем, перекрикивая верещащий писк.— Вам плевать на обязанности! Вам плевать на страдания! Вам плевать на...

Вдруг Барон словно подавился своими словами, выпучил глаза и схватился за грудь.

— Что с вами?! — вскочил я с кровати, но в ребрах кольнуло так, что я взвизгнул и снова упал на скомканную простыню.

В дверях появилась пышная медсестра с немного размазанной розовой помадой. Не торопясь она прошла к испуганно вопящему прибору, выключила его и повернулась к пациенту.

— Снова приступ, что ли? — вяло поинтересовалась она.

— Нет! — отмахнулся от нее Барон широким жестом.— Уходи!

— Знаете что! — насупилась медсестра и уперла кулаки в бедра.— В следующий раз вообще не приду! Так и помрете на фиг!

И, выпорхнув в коридор, она захлопнула за собой тяжелую дверь, чтобы подчеркнуть свои намерения.

— Дура,— плюнул ей вслед Барон.

Палату вновь заполнил шум бьющейся в окно мухи. Барон перестал хвататься за грудь и взгляделся в меня уже куда менее враждебно и даже заинтересованно.

— Скажи, ребенок,— проговорил он напряженным шепотом,— как ты относишься ко... времени?

— Ко времени? — не понял я.

Не без усилий мне удалось найти более-менее удобную позицию, и я пыхтел от напряжения и боли в ребрах.

— Ну да,— выдохнул Барон и поднял вверх кулак, из которого выпали маленькие часы и, открывшись, повисли на цепочке.— Ко времени. Боишься ли ты его?

— Боюсь ли я его? — снова переспросил я, как полоумный.

Часики раскачивались гипнотизирующим маятником под белым кулаком Барона.

— Любишь? — предложил Барон очередной вариант.

Вид у меня был, должно быть, совсем озадаченный, потому что Барон и не дожидался ответа.

— Думаешь ли о нем?

Я слегка двинул затекшей шеей.

— Как я и подозревал,— взволнованно прошептал Барон и захлопнул часы.— Ты живешь изо дня в день, из часа в час. Тебе на него наплевать, не так ли?

— На время? — откашлялся я.

— Да... Да! На время! — взмахнул Барон руками. Я потер кончик носа и сморщил лоб.

— Нет, ну я, конечно, иногда думаю, что было бы хорошо, если бы в дне его было больше,— выдал я результат своих кратких размышлений.— Если бы где-нибудь оказался лишний часик. Например, вечером перед сном. Где-то там. Чтобы можно было еще заняться чем-нибудь интересным.

— Лишний часик,— умиленно сложил Барон ладони на сердце.— Как это мило! Как это невинно!

У меня закралась мысль, что надо мной, вероятно, издеваются, и я обиженно отвернулся.

— Нет! — спохватился Барон.— Это то, что надо! То, что надо! И как я раньше до этого не додумался!